

ИМПРОВИЗАЦИИ НА ТЕМУ СТРАСТЕЙ

Валентина Резникова

«Жизнь в театральном искусстве начинал как актер ТЮЗа, легендой вошел в жизнь Баку 70-х как непревзойденный исполнитель роли Д'Артаньяна. Со второй половины 70-х пришел в Русский драматический театр в качестве актера на амплуа героя-любownika, да так и остался в театре, переиграв массу ролей различных амплуа. С 1993 года возглавил театр в качестве главного режиссера», — это сухое перечисление содержится в производственной характеристике главного режиссера РДТ, народного артиста Азербайджана Александра Яковлевича Шаровского.

Всего несколько строчек, но за ними прочитывается богатая творческая и неразрывно связанная с нею личностная жизнь: взлеты, падения, любовь, разочарования, предательства, измены, примирения, и снова — любовь. Все, как в жизни любого человека. С той только разницей, что часть этих страстей плавно перетекает в профессиональное русло, давая возможность прожить на сцене то, чего не довелось пережить в реальной жизни. В этом волшебство и проклятие профессии актерского призвания. Призвания, замешанного на страстях, и не понять: где та разделяющая полоса между сценой и реальной жизнью? Понять трудно, а определить — еще труднее. Но те, кто знают Александра Шаровского всю его жизнь, утверждают, что этот человек всегда жил страстями, не разграничивая профессию и реальность. Драйв, кураж, озорство, лихачество, бравада — это незначительная составляющая характеристик его героев. Сценическое обаяние Шаровского, его талант к импровизации и умению быть на сцене надежным партнером, обеспечили Александру Яковлевичу любовь и признание зрителей и коллег. Сегодня — это преуспевающий режиссер, актер и общественный деятель. 10 февраля ему исполнилось 70 лет, из кото-

рых 50 он прожил на сцене. Прожил, играя страстями: увлеченно, озорно. В нем все еще жив дух лихого гасконца Д'Артаньяна, поэтому в одном из своих интервью Шаровский искренно заявил: «Я с величайшим изумлением обнаружил, что мне исполняется 70 и не понял, что это значит. В душе я все такой же мальчишка с улицы Чадровой!». Он не лукавил. Он искренно удивлялся. А ведь и правда: что значат эти 70, если в душе по-прежнему живет трикстер, который подстрекает к озорному мальчишеству и, пусть сценическому, но тем не менее хулиганству? Да ничего не значат! Темперамент все тот же, только подретуширован условностями рамок штатных обязанностей! Куда их выплескивать? Конечно, на сцену!

Чередой персонажей с разными жизненными позициями, характерами, обстоятельствами и судьбами стали для него увлекательными опытами по препарированию особенностей каждого героя. И в каждом из них, Д'Артаньяне («Три мушкетера»), Ваське Пепле («На дне»), Юбере Дарсе («Загнанная лошадь»), Путнике («Похороны в Калифорнии»), Большого («День казни»), Жоржа Питу («Смех лангусты»), Черкуне («Варвары»), Боркине («Иванов»), Жорже Дюруа («О, милый друг!»), Бене Крике («Закат»), Аргане («Мнимый больной»), Оливье («Второй выстрел»), короле

Александр Яковлевич Шаровский

Генрихе («Королевские игры») — всегда проступал ловкач, озорно подмигивающий персонажу и его исполнителю. Он как будто брал на себя роль посредника между актером Шаровским и его героем! Объединив усилия обоих, легко брал зрителя в плен, очаровывая неожиданно и ярко проступающей смеховой природой самого Шаровского. Вот так и прятал со смеющимся, хитро подмигивающим, но спрятанным в глубинах души клоуном актер Александр Шаровский, награждая своих героев частичкой скрывающегося в нем озорника. Этот «демонически-комический дублер культурного героя, наделенный чертами плута-озорника», порой не хотел подчиняться общим правилам поведения, которые были продиктованы драматургом в пьесе или режиссером в спектакле. Он всегда как будто выходил за рамки заданного автором характера, не по злему умыслу, а потому, что интуитивно ощущал несоответствие сути игрового процесса ситуации и реальной жизни. Не сама игра «жизни», а процесс был важен для актера Шаровского! А актер все больше и больше «уходил» в исследование постановочного пространства. Игра была увлекательной и затянула настолько, что поначалу он стал «мыслить пространством» сцены, примерив на себя роль второго режиссера (ассис-

заде, Гладилина, Полякова, Гольдони позволила Шаровскому как постановщику экспериментировать с формами театра яркого площадного действия, который всю профессиональную его жизнь манил своими возможностями, заставляя превращать бытовое действие в карнавальное. Мне кажется, что, тяготя к праздничным, ярким формам, Александр Шаровский все еще ищет собственные приемы соединения содержания и формы. Отсюда — любовь к так называемым «картинкам». То есть — сочинению распределения персонажей в сценическом пространстве. Сочинять! Это, пожалуй, самая большая его страсть на сегодняшний день. Сочинять персонажей, написанных драматургом. Сочинять пространство вокруг них. Сочинять их сиюминутную жизнь на сцене. В этом для него страстная притягательность режиссуры, смысл ее. Его девиз — сочинять и фантазировать всегда: на ходу, на бегу, лежа, стоя, сидя и даже во сне. Кстати, самые яркие и самые интересные «картинки», находки и «придумки» приходят к нему именно во время сна! Игры сознания и подсознания выдают интересные, порой даже эпатажные результаты. А потом эти результаты перемещаются в реальное сценическое пространство, обретая плоть и дух конкретных героев и их жизненных ситуаций.

«Не сама игра «жизни», а процесс был важен для актера Шаровского! А актер все больше и больше «уходил» в исследование постановочного пространства. Игра была увлекательной и затянула настолько, что поначалу он стал «мыслить пространством» сцены, примерив на себя роль второго режиссера (ассистента), а уж потом — самостоятельно играть с этим пространством, стремясь привлечь к себе его взаимность. Так в его профессиональной деятельности обозначилась новая страсть — режиссура».

тента), а уж потом — самостоятельно играть с этим пространством, стремясь привлечь к себе его взаимность. Так в его профессиональной деятельности обозначилась новая страсть — режиссура.

Казалось бы условия для реализации той внутренней смеховой природы, которая не находила выхода в рамках ограниченных профессиональных прав актера, теперь может реализоваться полностью! Однако не все так просто. Во-первых, государственный репертуарный театр — не антреприза. Во-вторых, репертуарная заданность репетиционного процесса редко позволяла экспериментировать с поисками той эстетической позиции, которая лежит в основе площадного театра, театра масок, театра игровой импровизации. И тем не менее, работа с произведениями Мольера, Горина, Эльчина, Фрейна, Чехова, Ахунд-

Не все мечты сбываются, увы. У Александра Шаровского была мечта сыграть бравого солдата Швейка и Тевье-молочника. Не случилось. Актерская судьба непредсказуема, а потому предугадать: сбудется мечта или нет — невозможно! У режиссера Александра Шаровского тоже была мечта — поставить «Поминальную молитву» Г. Горина. А еще перевести на язык сценического действия прозу Бабеля и Шолом Алейхема. Тоже не случилось. Мечта так и осталась мечтой. Почему? Поначалу, казалось, что не пришло еще время приступить к постановке подобного материала. А потом жизнь внесла свои коррективы, и мечта... осталась мечтой. Но ведь еще не вечер, господа, еще не вечер... Вполне возможно, что в будущем сезоне на сцену театра выйдет Тевье-Шаровский... ИБ